

Л.Н. Котова

*Восточно-Казахстанский государственный университет,
г. Усть-Каменогорск (Казахстан)*

LN Kotova

*East Kazakhstan State University,
Ust-Kamenogorsk (Kazakhstan)*

К ПОНЯТИЮ «ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА» ON THE NOTION OF “PRAGMATIC MATRIX”

Ключевые слова: эффективность общения, диалог «автор-адресат», коммуникативный эффект, гармония, прагматическая матрица.

Keywords: effective communication, “author-addressee” dialog, communicative effect, harmony, pragmatic matrix.

В статье рассматриваются некоторые аспекты диалога «автор-адресат», который при художественной коммуникации рассчитан на особый коммуникативный эффект – гармонию, возможную при соотносимых картинах мира, отражающихся в прагматиконах коммуникантов, взаимодействие которых подчиняется экспериментально установленным закономерностям.

The article deals with some aspects of the “author-addressee” dialogue which in literary communication is aimed to achieve a special communicative effect – the harmony, which is reflected in the pragmacticon of the communicants, whose interaction is possible due to corresponding pictures of the world and is subjected to certain experimentally proved rules.

Текст, включенный в социальную коммуникацию, рассчитан на чье-то восприятие и интерпретацию, без которых он не обретет своего подлинного существования. Интерпретация текста предполагает тот факт, что она осуществляется реципиентом с каких-то позиций (мировоззренческих, психологических и т.д.). Иными словами, в основе особенностей восприятия и понимания текста лежит прагматическая установка, которая через них и находит свое проявление. Данный феномен поддается описанию и интерпретации в рамках проблемы эффективности диалога «автор-адресат» (ДАА).

В основе гармонии ДАА лежит совпадение картин мира коммуникантов, базирующихся либо на религиозном, либо на атеистическом мировоззрении – во всех случаях, как известно, она есть целостный глобальный образ мира, являющийся результатом всей духовной активности человека (курсив мой – Л.К.), а не какой-либо одной ее стороны. Элементы картины мира, на основе какого бы сознания та ни формировалась, обязательно фиксируются в прагматиконе автора – создателя текста. В каждой коммуникативной ситуации задействован не весь прагматикон, а лишь то или иное его проявление возникающее под влиянием совокупности

экстралингвистических (и лингвистических) условий коммуникативного акта, и каждый раз в новой модификации. Эти модификации могут быть представлены некими идеальными динамическими структурами – своего рода сетевыми моделями (графически их наиболее адекватно, на наш взгляд, отображает *фрактал*). Осознание этого факта вызывает к жизни представление о некоторой невидимой *матрице*, которую можно обнаружить в любом тексте (нарративе) как продукте человеческого духа. Она представляет собой прагматическую основу, на которой выстраивается, через которую *прорастает* содержательно-фактуальная и содержательно-концептуальная информация порожденного текста. Через анализ текста мы ее и вычленим: фиксируя одно за другим измерения личности автора текста, составляем более или менее (в той мере, в какой автор хочет раскрыться в своем тексте) целостный «портрет» его прагматикона.

На подобного же рода матрице базируется и восприятие текста читателем. Следовательно, надлежит дифференцировать «прагматическую матрицу автора (нарратора)» и «прагматическую матрицу читателя» (сокращенно ПМН и ПМЧ). На аббревиатуре «ПМН» мы остановились потому, что «нарратор» в данном случае более важен, чем «автор», так как читатель может судить только о его духовном мире (который, конечно, может в той или иной мере совпадать с миром автора), поскольку именно он – «на виду», но обычно автор оставляет за собой право выбора тех свойств, которыми он наделит своего «лирического героя» (или «образ автора» или «маску автора» в постмодернистской терминологии, или нарратора-рассказчика). Матрицы представляют собой динамические, адаптивные, постоянно модифицирующиеся в процессе ДАА структуры, образованные совокупностью некоторого множества составляющих (в разных системах координат, которые определяют психические измерения личности).

А.Л. Вассоевич, при разработке основ психологической теории менталитета на основе реконструкции духовного мира народов классического Востока (строящейся на изучении древнейших письменных памятников), предложил ряд *систем координат*, в которых этот мир может быть описан (Вассоевич 1998: 18) (система координат хорошо известна психологам по так называемому «кругу Айзенка»), в ряду которых есть система, фиксирующая мировоззрение.

При успешном (эффективном) ДАА возникает некий «психологический континуум приближения»: «наложение» ПМН на ПМЧ ведет к образованию множества точек пересечения (контактных точек) в местах наиболее интенсивного взаимодействия («созвучия») систем координат и/или конкретных измерений в той или иной системе. Количество контактных точек прямо пропорционально степени гармоничности ДАА. При неэффективном ДАА контактных точек не образуется (или их количество ничтожно мало).

Таким образом, гармонии в ДАА не возникнет, если не «отзовется» читатель. Поэтому, если взаимодействие между двумя личностями – писателем и читателем, – сравнить с электрическим разрядом, то можно

образно сказать: «дуга гармонизации *закрывается*» читателем. «Закрывается» дуга лишь в том случае, если сложились необходимые условия, то есть если прагматикон читателя соотносим с прагматиконом автора, или в каждом конкретном случае соотносимы («созвучны») их прагматические матрицы. По-другому гармоничный ДАА можно определить как «диалог на уровне матриц», затрагивающий самые глубины личности.

Здесь понимание слова *личность* целесообразно соотносить с православным богословским термином *ипостась*, греческим по происхождению, не сводя его к латинскому *персона* (в греческом ему соответствует *просопон* – скорее, *личина*, чем *личность*), хотя они представляют собой разные лингвистические варианты одного и того же богословского понятия. Здесь корень принципиальной разницы понимания общения в восточной и западной традициях: «Человеческое общение есть общение личности с личностью, подобное общению человека с Богом; оно имеет глубокую бытийную и нравственную основу. Подлинная встреча человека с человеком происходит в стихии его *личностного существования* и является событием *внутри его бытия* (курсив мой – Л.К.). Встреча, общение, диалог составляют смысл человеческого существования, непостижимого в своих глубинных основах по образу межипостасного общения Лиц Святой Троицы» (Дронов, 1998: 6). По-настоящему *гармоничный* ДАА ведется на личностном уровне и в нашей терминосистеме может быть назван «диалогом на уровне матриц».

Восприятие в условиях художественной коммуникации будет тем более эффективным, чем больше контактных точек имеют прагматические матрицы личностей-коммуникантов, а это в свою очередь, зависит от инвентаря систем координат измерения психических ориентаций, которые у них совпадают или наиболее интенсивно взаимодействуют. И наоборот.

В ряду систем координат для характеристики духовного мира и менталитета человека необходима система, фиксирующая мировоззрение. Более того, эта система координат должна быть отнесена к базовым, во многом определяющим все остальные. В этой связи, если духовный мир автора и читателя обнаруживает параметры, которые могут быть помещены в данную систему и, к тому же, измерены приблизительно в одинаковых пределах (в некотором диапазоне), то можно сказать с уверенностью, что для читателя в основном массиве информации не возникнет лакун, то есть с этой стороны не возникнет препятствий для гармоничного общения.

Мировоззренческая составляющая прагматической матрицы относится к числу ее *базовых* составляющих: их совпадение для диалогической гармонии «автор-адресат» обязательно. Это объясняется тем, что ценности, определяемые для человека на основе того или другого мировоззрения, характеризуются не по шкале «максимальные – минимальные», а относятся к категории *абсолютных*. Здесь уместно вспомнить глубоко разделяемую нами оценку Н.Б. Мечковской: «Что касается психологической, *человеческой* значимости религиозного содержания, то в сопоставлении с любой другой информацией, могущей циркулировать в человеческом обществе,

религиозное содержание обладает *максимальной ценностью*. Это связано с двумя обстоятельствами: 1) религия ищет ответы на самые важные вопросы бытия, 2) ее ответы, обладая огромной обобщающей силой, отнюдь не абстрактны, они обращены не столько к логике, сколько к более сложным, тонким и интимным областям сознания человека – к его душе, разуму, воображению, интуиции, чувству, желаниям, совести» (Мечковская 1998: 39). При переходе этого содержания на личностный уровень оно приобретает *абсолютную* ценность. Опросы в ходе эксперимента и интроспективные наблюдения показывают, что отсутствие контактной точки в зоне мировоззренческой составляющей ведет к *абсолютной дисгармонии* ДАА в ситуации «писатель-атеист/читатель-христианин». Для иллюстрации нашей мысли можно привести фрагменты, которые не пройдут мимо внимания читателя-христианина и дисгармонизируют его общение с автором. Вот пример из произведения А. Марининой «Иллюзия греха» (Маринина 1997: 19):

– Так и не выяснил ничего?

– Нет, – покачал головой Леонид. – Но я думаю, дело все выеденного яйца не стоит. Галка религией увлеклась, так я-то нормально это воспринимаю, нравится ей – и пусть, а Гриша – он воинственный очень, ехидный, на язык злой. Наверное, ляпнул что-нибудь про Бога или про церковь, она и обиделась.

– Тяжело тебе с ней? – сочувственно спросила Лидя.

– Я ее люблю, – просто ответил Терехин. – Люблю такой, какая она есть. А вот другим, наверное, действительно, с ней тяжело. Нина Боженок сильно обижается, да и ты, Лидуня, тоже, я же вижу. Галка всех подруг разогнала, никто ей не нужен. Так ты не скажешь ей, что мы к Грише ходили?

– Не скажу, не волнуйся. Но все-таки не по-людски это, – укоризненно сказала Лидя. – Как можно друзей разлучать из-за ерунды?

То, что для читателя-христианина – смысл жизни, абсолютная ценность, для автора – «ерунда», род «увлечения», и вся ситуация – когда один человек «ляпнул» что-то про Бога, а другой, видишь ли, обиделся – «не стоит выеденного яйца». Осознание этого факта, а также написание слова «Бог» со строчной буквы, не способствует взаимопониманию в данном ДАА. Если он не прервется сразу (читатель продолжит чтение), а автор продолжит «в том же духе», то читатель лишь укрепит в едва возникшей дисгармонии:

– Ну, насчет вывода – это сильно сказано. Но это вполне правдоподобно. Кстати, совсем не обязательно, чтобы эти встречи носили романтический характер. Не удивлюсь, если окажется, что у них там проходили спиритические сеансы или еще какая-нибудь дребедень в том же роде.

– Разве Анисковец была верующей? – спросила Настя. – Об этом никто из ее близких не говорил (Маринина 1997: 14).

Этот фрагмент демонстрирует, что в сознании писателя-атеиста (слова вложены в уста любимой героини автора, с которой они чаще всего

«согласны»), например, такое понятие, как «спиритические сеансы» и прочая «дребедень в том же роде», соотносится с представлениями о «вере» и «верующих», тогда как в религиозном (не только христианском) сознании это – *взаимоисключающие* понятия! Дальнейшее углубление дисгармонии может привести к закономерному результату – диалог *с этим* автором у читателя прекратится, и, возможно, навсегда. Подобные примеры в нашем исследовании достаточно многочисленны, но сейчас наша задача – лишь зафиксировать модель, по которой протекает взаимодействие в ДАА при одном «включенном параметре».

Индифферентной (в некоторых случаях со сдвигом в область негатива – на это влияет наличие других составляющих) к этому показателю будет ситуация «писатель-христианин/читатель-атеист». В этой ситуации будут фиксироваться имплицитные мировоззренческие лакуны (Kotova, 2010: 83). *Нейтрализуется* этот показатель в ситуации «писатель-атеист/читатель-атеист» (в силу, как уже отмечалось, сформированного у советской интеллигенции представления о факультативности мировоззренческого позиционирования и отсутствия рефлексии по этому поводу).

Помимо *мировоззренческой* составляющей есть и другие – их количество, набор и значимость для характеристики личности глубоко индивидуальны для обеих сторон. По теории вероятностей это дает возможность возникать практически бесконечному числу вариантов сочетаний контактных точек при взаимодействии ПМН и ПМЧ.

Разные составляющие отражают разный жизненный опыт индивидуумов, разные социальные условия формирования личности (помимо базовых перинатальных матриц). Но это – до известных пределов – не препятствие к диалогической гармонии: «В диалоге человек интересен именно своим, лично им нажитым и пережитым опытом» (Кураев, 2003: 34) – только тогда диалог взаимно обогащает. Результатом успешного ДАА является *со-ответствие, со-гласие, со-звучие* (с чем, собственно, мы и связываем представление о *гармонии*), а не уподобление, не тождество двух сознаний.

Полное перечисление, описание всей совокупности составляющих прагматических матриц, а тем более перечень вариантов их сочетания и комбинаций, не представляется возможным (равно, как и необходимым). В каждом конкретном случае они могут быть определены интуитивно. Однако можно отметить, хотя бы в первом приближении, наличие некоторых закономерностей, подтвержденных результатами экспериментальных исследований:

1. Наличие/отсутствие той или иной составляющей в ПМН и отсутствие/наличие ее в ПМЧ ведет к дисгармонии ДАА.

2. Наличие, но отмеченное *негативным* отношением в ПМН/ПМЧ той или иной составляющей не будет гармонировать с наличием ее же в ПМЧ/ПМН в области *позитива*. Иными словами, значим будет не факт совпадения составляющих, а их *аксиологическая* характеристика самим индивидуумом.

3. Как правило, *отсутствие* в ПМЧ той или иной составляющей по сравнению с ПМН (если она в ПМН лежит в области *позитива*) ведет к *импликациям дисгармонии* для самого читателя (это и есть имплицитная лакуна). Впрочем, дисгармонию может вызвать и *отсутствие* некоторой составляющей в ПМЧ в ответ на *негатив* к той или иной составляющей в ПМН. И также, как правило, никаких отрицательных последствий для гармонии ДАА не имеет *количественный перевес* составляющих ПМЧ над составляющими ПМН.

Количество и набор составляющих могут отражать любые стороны духовной жизни, интересов личности и являют собой удивительное разнообразие (от сексуальной ориентации и степени сексуальной свободы, обусловленных, по мнению специалистов по трансперсональной психологии, третьей перинатальной базовой матрицей, до любви к конкретным животным – например, к кошкам или лошадям, обусловленной особенностями и условиями воспитания и т.д.). В заключении отметим, что полное представление об образе автора или нарратора (каким он фиксируется в прагматической матрице) в том или ином конкретном случае ДАА можно составить лишь на основании восприятия *всего текста в целом*, в котором развертывание «образа нарратора» («маски автора») имеет определенную стратегию, обусловленную интенцией автора, его художественным замыслом.

Литература

1. Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока.– СПб.: АЛЕТЕЙЯ. – 1998. – 540 с.
2. Дронов М., протоиерей. Талант общения. Дейл Карнеги или авва Дорофей. – М.: Ковчег. – 1998. – 97 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука. – 1987 – 263 с.
4. Котова Л.Н. Нарратив в зеркале диалога «автор-адресат». Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ФИЛОМАТИС. – 2007. – 334 с.
5. Кураев А. Диакон. Вызов экуменизма. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издательский Совет РПЦ. – 2003. – 383 с.
6. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука. – 2009. – 560 с.
7. Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М.: Агентство ФАИР. – 1998. – 352 с.
8. Kotova L.N. Implicit lacunas as a factor of communicative disharmony // The Kazakh-American Free University Academic Journal. - USA, 2010. - P. 81 - 88.

Список источников примеров

1. Маринина А. Иллюзия греха. – М.: ЭКСМО, 1997 – 219 с.

References

1. Vassoevich A.L. The spiritual world of the classical peoples of the East. – SPb.: Aletheia. – 1998. – 540 p.
2. Dronov M. Archpriest. Talent of communication. Dale Carnegie or Abba Dorotheus. – M.: The Ark. – 1998. – 97 p.
3. Karaulov Y.N. Russian language and language personality. – Moscow: Nauka. – 1987 – 263 p.
4. Kotova L.N. Narrative in the dialogue mirror "author-addressee". 2nd ed., rev. and add. – M.: Filomatis. – 2007. – 334 p.
5. Kuraev A. Deacon. Call of ecumenism. – 2nd ed., rev. and add. – Moscow: Publishing Council of the ROC. – 2003. – 383 p.
6. Lukin V.A. Art Text: Fundamentals of linguistic theory and analysis elements. – 2-nd ed. – M. Flinta: Science. – 2009. – 560 p.
7. Mechkovskaya N.B. Language and religion. – M.: FAIR Agency. – 1998. – 352 p.
8. Kotova L.N. Implicit lacunas as a factor of communicative disharmony // The Kazakh-American Free University Academic Journal. – USA, 2010. – p. 81-88.

List of sources of examples

1. Marinina A. Illusion of sin. – M.: Penguin Books, 1997 – 219 p.

(0,4 п.л.)